

4. Ковалев, М.И. Роль законодательной техники в конструировании уголовного законодательства // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе : межвуз. сб. науч. тр. / Свердл. юрид. ин-т ; редкол.: М.И. Ковалев (отв. ред.) [и др.]. Свердловск, 1986.
5. Коган, В.М. Логико-юридическая структура уголовного закона / В.М. Коган. Алма-Ата : Казахстан, 1966.
6. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002.
7. О введении в действие Уголовного кодекса Республики Беларусь : закон Респ. Беларусь, 18 июля 2000 г., № 424-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 75. 2/199.
8. О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь : декрет Президента Респ. Беларусь, 24 февр. 2012 г., № 3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2012. № 26. 1/13350.
9. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-3 : в ред. закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 № 31-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 7. 2/136.
10. Уголовное право России: Общая часть : учебник / А.И. Бойцов [и др.] ; под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2006.
11. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть : учебник / В.В. Бабурин и [и др.] ; под ред. А.И. Марцева. 2-е изд. перераб. и доп. Омск : Ом. Акад. МВД России, 2006.
12. Чухвичев, Д.В. Законодательная техника : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция» / Д.В. Чухвичев. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006.
13. Шаргородский, М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский ; сост. и предисл. Б.В. Волженкин. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004.
14. Явич, Л.С. Социализм: право и общественный прогресс / Л.С. Явич. М. : Юрид. лит., 1990.

Дата поступления в редакцию: 24.10.13

A.L. Savenok, PhD of law, associate professor, first deputy head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

DIALECTICS OF CONTENT AND FORM OF CRIMINAL LAW

The article throws light on the problems of content and form of criminal law. It is stressed that content of criminal law are society dangerous acts and its form – Criminal Code, consisting of articles according to definite ground into chapters, divisions, parts. The inside form of criminal law adds it obligatory power and external – defines the level of its juridical power concerning other legal formations.

Keywords: content of criminal law, form of criminal law, form of expression of content of criminal law, correlation of content and form of criminal law, effectiveness of criminal law.

УДК 343.9(476)

Ю.И. Селятыцкий, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА

Рассматривается проблема личности преступника молодежного возраста. Особенности социально-демографических признаков личности преступника молодежного возраста (18–29 лет) представлены на основе статистических данных и результатов проведенного автором эмпирического исследования. Сформирован образ наиболее криминально активного представителя данной возрастной категории.

Ключевые слова: личность преступника молодежного возраста, социально-демографические признаки, пол, возраст, образование, род занятий, место учебы, семейное положение.

В процессе размышлений над вопросом о том, почему практически при одних и тех же условиях жизнедеятельности одни лица совершают преступления, другие – воздерживаются от этого, а третьи – активно противодействуют их совершению, приходит понимание необходимости детального исследования личности преступника, поскольку именно личность является носителем причин их совершения и основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения [1].

Проблема личности преступника всегда занимала центральное место в криминологии, о чем свидетельствуют многочисленные работы исследователей (А.Б. Сахаров, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, И.С. Ной, Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян и др.). В ходе оживленных дискуссий формировались различные мнения в отношении определения «личность преступника». Одни ученые просто констатировали, что личность преступника – это личность человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовной ответственности [6, с. 32]. Другие под личностью преступника подразумевали наиболее широкое и емкое понятие, выражающее социальную сущность лица, сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений, его нравственный и духовный мир, взятых в развитии, во взаимодействии с социальными и индивидуальными жизненными условиями, в той или иной мере определивших совершение преступления [5, с. 259]. По мне-

нию некоторых ученых, понятие «личность преступника» обозначает определенный социальный тип личности, а преступник есть временный социальный тип личности ввиду того, что она наносит (может нанести) вред обществу преступными действиями, совершение которых влечет за собой уголовную ответственность [3, с. 20].

Современное понятие, на наш взгляд, объединяет в себе мнение всех трех групп ученых и определяет личность преступника как человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, характеризующегося совокупностью демографических, социально-ролевых, правовых, нравственно-психологических, физических и иных свойств, которые в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами влияют на его преступную деятельность [4, с. 97].

Принимая во внимание то, что предметом настоящей работы является личность преступника молодежного возраста, представляется целесообразным отражение мнения ученых, занимавшихся изучением указанной возрастной категории.

Пионерами в этой области были К.Е. Игошев (1971), Н.И. Ветров (1980), которые заострили внимание на проблеме молодежной преступности и на монографическом уровне представили результаты эмпирического исследования особенностей личности преступника этой возрастной категории.

К.Е. Игошев в работе «Психология преступных проявлений среди молодежи» попытался рассмотреть личность молодого преступника как внутренне единую систему, включающую и положительные, и отрицательные черты. При этом он обратил внимание на возраст 18–25 лет как наиболее противоречивый период в формировании личности [3, с. 120].

Н.И. Ветров успех профилактики противоправного поведения среди молодежи видел во всестороннем изучении особенностей объекта воздействия – личности правонарушителя молодежного возраста, системы форм и средств индивидуально-профилактического влияния на нее с целью закрепления положительных черт поведения, их развития и эффективности в условиях современных требований [2, с. 127].

Безусловно, каждый человек индивидуален и неповторим как с биологической точки зрения, так и с социальной. Однако повышенная криминальная активность лиц в возрасте 18–29 лет позволяет объединить их в единую группу и акцентировать внимание на исследовании личности именно этой возрастной категории. Конечным результатом этого исследования, на наш взгляд, будет выявление криминологических особенностей личности преступника молодежного возраста, что, в свою очередь, позволит предложить наиболее целесообразные меры по предупреждению формирования криминальной мотивации и своевременной коррекции асоциального поведения лиц молодежного возраста, профилактике и предупреждению совершения ими преступлений, а также их исправлению.

Для достижения поставленной цели имеет смысл использовать устоявшиеся в криминологии подходы. Так, познать личность преступника молодежного возраста позволит изучение ее системной структуры, одной из составляющей которой являются социально-демографические признаки.

К группе социально-демографических признаков относят так называемые анкетные данные, характеризующие любого человека: пол, возраст, образование, род занятий, место учебы, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, жилищные условия, наличие совместно проживающих лиц, социальные позиции и роли, деятельность личности и т. д.

Изучение статистики показало, что среди общего числа преступников преобладают лица мужского пола: они составляют 85 %. При этом необходимо отметить еще большую криминальную активность мужской части молодежи, которая с 2009 по 2012 г. стабильно составляла 88 %. Таким образом, достаточно большой процент мужчин изучаемой возрастной категории по отношению к общему числу лиц, совершивших преступления, позволяет сделать вывод о необходимости концентрации мероприятий профилактической и предупредительной направленности на молодых людях мужского пола.

Возраст является одним из наиболее важных криминологических признаков, который характеризует личность преступника. Между тем необходимо отметить, что, несмотря на то что молодежь в рассматриваемом нами ракурсе представляет собой относительно самостоятельную социально-демографическую группу, в рамках обозначенной возрастной категории существуют различные и достаточно далеко стоящие друг от друга возрастные группы с присущими им особенностями. Поэтому с целью наиболее дифференцированного изучения личности разделим рассматриваемую нами категорию 18–29 лет на две более однородные социально-демографические группы 18–24 и 25–29 лет. Такое разделение используется в статистических отчетах о лицах, совершивших преступления, оно позволяет учесть не только возрастные особенности, но и специфику проблем каждой категории в зависимости от социально-криминологических показателей.

Статистические сведения о составе осужденных за период с 2004 по 2011 г. прекрасно иллюстрируют значительно превосходящую криминальную активность молодежи в возрасте 18–24 года. В указанный период представителей этой возрастной категории практически вдвое больше осуждалось за совершение ими преступлений по сравнению с возрастной группой 25–29 лет.

Анализ образовательного уровня осужденных показал, что он во многом определяет характер преступлений и подтверждает установленный ранее криминологами факт, что доля лиц с высшим образо-

ванием среди преступников остается минимальной. В ходе проведенного нами выборочного анкетирования осужденных молодежного возраста в различных уголовно-исполнительных учреждениях Республики Беларусь установлено, что из общего числа опрошенных всего лишь 5,4 % имеют высшее образование, 17 % – неполное среднее, 34,5 % – среднее и 43,1 % – среднее специальное. Достаточно высокий процент осужденных со средним и средним специальным образованием требует определенной аргументации, которая, на наш взгляд, кроется в общей образованности населения страны. Так, согласно данным переписи населения Республики Беларусь, на 2009 г. 6,1 % опрошенных имели общее начальное образование, доля лиц с высшим образованием составляла 18,9 %, а основная масса населения – 71,5 % (в возрасте 15 лет и старше) – имела среднее специальное, профессионально-техническое, общее среднее или же общее базовое образование [8].

В подтверждение тезиса о зависимости характера преступления от уровня образования лица, его совершившего, приведем полученные в ходе проведенного исследования данные. Так, молодежь с неполным средним образованием в основном совершала корыстные преступления, лица со средним и средним специальным – корыстные и корыстно-насильственные преступления, а у опрошенных осужденных с высшим образованием преобладают преступления против жизни и здоровья, а также связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

Исследование *социального положения* осужденных, в том числе и осужденных молодежного возраста, позволило установить следующие закономерности. Согласно статистическим сведениям о составе осужденных в период с 2004 по 2011 г., самой высокой является доля трудоспособных лиц, не работающих и не учащихся, – от 43,5 до 60,5 %. Практика показывает, что основными причинами совершения ими преступлений являются потребность в алкоголе, наркотиках, завышенные притязания к жизни. Достаточно глубоко укоренившаяся проблема социализации данной категории в обществе влечет за собой проблему подготовки к освобождению и адаптации к жизни в условиях свободы, что, в свою очередь, сохраняет высокий уровень рецидива с ее стороны.

Стабильно высокой (до 29 %) остается, а в последнее время даже повышается криминальная активность граждан рабочих специальностей. Данный факт объясняется тем, что к рассматриваемой категории относятся лица с невысоким уровнем образования, выполняющие неквалифицированную низкооплачиваемую работу. Как свидетельствует практика, это в основной своей массе ранее судимые, которые после освобождения из мест лишения свободы устраиваются на такую работу сами или по принуждению ОВД, но впоследствии снова совершают преступления.

Достаточно стабильный (до 10 %) уровень преступности со стороны работников сельскохозяйственного производства. Это объясняется, во-первых, сравнительно небольшой численностью сельского населения (за последние 30 лет сельское население сократилось практически в 2 раза и составляет $\frac{1}{4}$ населения страны)[8]; во-вторых оттоком молодежи как наиболее криминальной возрастной категории; в-третьих, еще сохраняющимися устоями деревенского воспитания и социального контроля.

Очередной раз подтверждая актуальность темы исследования, обратим внимание на число учащихся ПТУ, лицеев и колледжей среди лиц, осужденных за совершение преступлений. До 2008 г. около 8 % представителей указанных учебных заведений ежегодно приговаривались к лишению свободы. В последнее время за счет гуманизации мер уголовной ответственности их доля снизилась до 3,7 %, однако по-прежнему вызывает беспокойство и свидетельствует о криминальной пораженности, казалось бы, относительно благополучной части населения.

Результаты опроса осужденных молодежного возраста относительно социального положения на момент совершения преступления показали, что 50 % опрошенных принадлежали к категории рабочих; 30 % не работали и не учились, при этом лишь 15,5 % из них были официально безработными; почти 7 % являлись учащимися; 6 % были зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей; 4,2 % работали в сельском хозяйстве; 2,8 % являлись служащими. Выявленная структурная особенность молодежной преступности, а именно значительное превышение преступлений, совершаемых молодыми рабочими, позволяет сделать вывод о недостаточном внимании к этой категории граждан как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны общества в целом. Говоря о *материальном положении* осужденных следует отметить, что, согласно данным Национального статистического комитета, основным источником формирования денежных доходов населения является заработная плата. Подтверждением этому явилось то, что 70 % осужденных и 56 % опрошенной гражданской молодежи также указали заработную плату основным источником дохода. Сообщая о среднем месячном доходе до осуждения, выраженном в долларах США, 40 % осужденных указали сумму, составляющую менее 200 долларов, 30 % опрошенных заявили свой доход в рамках от 200 до 500 долларов, от 500 до 1000 доход был у 18 % респондентов и только 10 % зарабатывали более 1000 долларов США. Решить свои финансовые проблемы 10 % осужденных пытались с помощью близких родственников и 9 % – приработком в свободное от основной работы время.

Хотелось бы обратить внимание на то, что одним из средств, усугубляющих материальное положение населения, является прогрессирующий в настоящее время кредитный прессинг. Рекламируемые на каждом шагу легкие на первый взгляд деньги оказываются непосильным бременем к моменту их воз-

врата. Пользовались данной услугой банков 16 % опрошенных осужденных, при этом у 4 % из них было два и более кредита, у граждан молодежной возрастной категории соответственно 25 и 7 %.

Важным критерием, характеризующим материальное положение, является возможность удовлетворения потребностей и приобретения благ. Представляет интерес полученный результат: по субъективному мнению опрошенных лиц, отбывающих наказание, 79 % жили в достатке, 7 % испытывали нужду в бытовых приборах и только 3 % не хватало даже на питание. Между тем основной части законопослушной молодежи (53 %) имеющихся денежных средств достаточно для удовлетворения лишь самых необходимых потребностей; 26 % достаточно для удовлетворения необходимых потребностей, организации досуга своего и своей семьи; 15 % не хватает даже на самое необходимое и только 6 % имеют возможность ни в чем себе не отказывать. Оценить объективность ответов поможет официальная статистика, согласно которой 98,4 % дохода семьи уходит на оплату самого необходимого и только 1,6 % можно выделить на отдых и культурно-просветительные мероприятия [7].

Социальные связи человека, их широту и продолжительность определяет *место жительства*. Социально направленная политика нашего государства способствует максимальному охвату вниманием своих граждан, результатом этого является относительно небольшое, согласно последней переписи населения, количество лиц (587 человек) без определенного места жительства, хотя еще 4 000 человек живут в «иных жилых помещениях», а это вагоны, сараи, гаражи и т. д. [9], которых вполне правомерно считать бездомными. Кстати, согласно данным нашего исследования, 1 % из опрошенных молодых людей, отбывающих наказание в местах лишения свободы, причисляют себя к этой социальной прослойке. Образ жизни данной категории граждан и потенциальный круг общения автоматически делает их объектом пристального внимания правоохранительных органов.

Семейное положение и наличие детей также оказывают определенное влияние на поведение личности. Состояние в браке предполагает наложение определенных обязанностей, которые ограничивают свободное время, причем характер использования этого времени также в определенной степени контролируется семьей. Подтверждением этого является то, что на момент совершения преступления 25 % лиц состояли в браке, еще 29 % сожительствовали, а оставшиеся 47 % не были связаны никакими обязательствами. Согласно данным переписи населения, на 2009 г. 34 % граждан в возрасте 18–29 лет состояли в официально зарегистрированном браке, 14 % проживали совместно в незарегистрированных отношениях [8].

Следует также отметить, что у 34 % опрошенных осужденных молодежного возраста на иждивении имеются дети, при этом у 13 % из них два и более ребенка. Закономерно, что наличие детей отметили 62 % осужденных, состоящих официально в браке, и 47 % сожительствующих.

Кроме того, выявлено, что 44 % осужденных воспитывались в неполной семье, при этом 27,4 % проживали с одним из родителей, у 6,9 % опрошенных одним из родителей были отчим или мачеха, 4,1 % воспитывали бабушка и (или) дедушка, а 4,8 % выросли и вовсе без родителей и родственников.

Проведенное исследование социально-демографических признаков личности современного преступника молодежного возраста позволяет сформировать обобщенный образ наиболее криминально активного представителя этой возрастной категории и тем самым определить объект первоочередного внимания как для правоохранительных органов, так и общества в целом. Им является мужчина в возрасте 18–24 года со средним или средним специальным образованием, относящийся к категории рабочих либо вовсе не работающий и не учащийся, с уровнем дохода менее 200 долларов США, проживающий в городе, не связанный официально узами брака и не имеющий детей, при этом почти в половине случаев выходец из неполной семьи.

1. Антонян, Ю.М. Психология преступления и наказания / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. М. : Пенатес-Пенаты, 2000.

2. Ветров, Н.И. Профилактика правонарушений среди молодежи / Н.И. Ветров. М. : Юрид. лит., 1980.

3. Игошев, К.Е. Типология личности преступника и мотивации преступного поведения : учеб. пособие / К.Е. Игошев. Горький : Изд-во Высш. шк. МВД СССР, 1974.

4. Криминология и профилактика преступлений. Общая часть : курс лекций / О.П. Колченогова [и др.] ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2012.

5. Курс советской криминологии: предмет, методология, преступность и ее причины / Г.В. Дашков [и др.] ; под ред. И.И. Карпец, Б.В. Коробейникова, В.Н. Кудрявцева. М. : Юрид. лит., 1985.

6. Личность преступника / С.Б. Алимов [и др.]. М. : Юрид. лит., 1975.

7. Минимальный потребительский бюджет // Министерство труда и социальной защиты Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mintrud.gov.by/ru/norm2>. Дата доступа: 05.09.2013.

8. Перепись населения Республики Беларусь 2009 года / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, [2013].

9. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь [2005–2012] : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; [редкол.: В.И. Зиновский и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013.

Дата поступления в редакцию: 12.09.13

Y.I. Selyatytsky, post-graduated student of scientific and pedagogical faculty of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

SOCIAL-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THE JUVENILE DELINQUENT

The problem of the person of the youth criminal is examined. Features of social-demographic signs of the offender of youth age (18–29 years) based on the statistical data and results of the empirical research conducted by the author are presented. The image of the most active representative of criminal in the given age category is generated.

Keywords: a personality of the juvenile delinquent, social-demographic signs, a sex, age, an education, an occupation, a study place, marital status.

УДК 343.152.9

*Н.А. Суховенко, ад'юнкт навучна-педагагічнага факультэта Акадэміі
МВД Рэспублікі Беларусь*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК

Рассматривается недостаточно разработанный в теории уголовно-процессуального права вопрос о классификации процессуальных издержек, возникающих в ходе производства по материалам и уголовным делам. С учетом выявленных существенных признаков процессуальных издержек осуществлено их систематическое распределение по классам.

Ключевые слова: производство по материалам и уголовным делам, расходы, процессуальные издержки и их виды, классификация процессуальных издержек.

В познании института процессуальных издержек большую роль играет их классификация, которая как вид логического деления преследует цель упорядочения и систематизации «объектов некоторого фрагмента реальности» [2, с. 228]. Как социальный метод научного познания классификация широко используется в правовых науках, в том числе и в науке уголовно-процессуального права. Под классификацией понимается «систематическое распределение предметов некоего рода по классам, в которых каждый предмет занимает строго определенное и точно фиксированное место» [2, с. 227]. Задача классификации состоит в том, чтобы «распределить вещи по группам в таком порядке, который наиболее полезен для припоминания вещей и для определения свойств их» [10, с. 117]. В основе научной классификации как устойчивой системы распределения предметов по классам лежат наиболее существенные с научной точки зрения признаки, под которыми понимаются такие «признаки, которые необходимо принадлежат к предмету, выражают внутреннюю природу предмета, его сущность» [5, с. 23].

В юридической литературе встречаются различные подходы к классификации процессуальных издержек. Детальный анализ обнаруживает в их построении некоторые нарушения требований, предъявляемых к логическому делению.

А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский расходы, составляющие систему процессуальных издержек, условно подразделили на три группы:

расходы по явке участников процесса;

расходы по компенсации им утраченного дохода или имущества;

расходы на вознаграждение за выполнение каких-либо поручений органов, ведущих дело [4, с. 9; 9, с. 301].

Очевидно, что приведенная классификация процессуальных издержек, в основу которой положен такой видоизменяющийся родовый признак, как вид расходов, относящихся к процессуальным издержкам, не соответствует требованию полноты, соблюдение которого обеспечивается выполнением такого правила логического деления, как адекватность (соразмерность) деления, т. е. «объем делимого имени должен равняться сумме объектов членов деления» [2, с. 223]. В ходе распределения расходов, составляющих систему процессуальных издержек, по классам указанные авторы не учли такую значительную группу затрат, как расходы органов, ведущих уголовный процесс, на осуществление следственных и иных процессуальных действий, в результате чего была допущена ошибка «неполного деления» [2, с. 224].

Попытку устранить данное упущение предприняла Н. Савина, которая наряду с указанными группами расходов выделила четвертую группу, обозначив ее, как «затраты непосредственно органа уголовного преследования в связи с осуществлением процессуальных и следственных действий» [7, с. 12]. Но здесь стоит отметить допущенную неточность в формулировке четвертой группы расходов, входящих в состав процессуальных издержек, состоящую в сужении круга участников уголовного процесса, несущих этот вид трат: их претерпевают не только органы уголовного преследования, но и суд.

По мнению К.Н. Емельянова, расходы, связанные с расследованием и рассмотрением уголовных дел, можно подразделить на две группы: